

12. Там же. С. 142.
13. То же. 1761. Декабрь. С. 245.
14. Ржевский А. Стансы // Полезное увеселение. 1761. Август. С. 54-55.
15. Свободные часы. 1763. Март. С. 174
16. Полезное увеселение. 1760. Декабрь. С. 197.
17. То же. 1761. Февраль. С. 52.
18. То же. 1760. Март. С. 105.
19. Тукалевский В.И. Искания русских масонов. СПб., 1911. С. 53.

К.М. ЯЧМЕНИХИН

А.А. АРАКЧЕЕВ И ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

(Статья подготовлена при поддержке госбюджетной темы Министерства образования и науки, молодежи и спорта Украины «Российская империя в XIX – начале XX ст.: механизмы взаимодействия власти и общества (региональный аспект)» № 4-2012)

Образ графа Алексея Андреевича Аракчеева (1769–1834 гг.) в историографии всегда был связан с главным детищем его жизни – военными поселениями. Его жизни и деятельности посвящена весьма обширная литература как исследовательского, так и публицистического характера (1). Подавляющее большинство работ, на наш взгляд, грешат откровенной тенденциозностью, поскольку написаны преимущественно на основе мемуарной литературы второй половины XIX в., когда стало модным критиковать предыдущие царствования. В советской историографии, как мы помним, А.А. Аракчеев, слыл реакционным государственным деятелем и весьма недалеким человеком. Но уже один тот факт, что под его руководством был создан такой огромный по масштабам институт как военные поселения, заставляет усомниться в последнем. В подтверждение этого хотелось бы напомнить, что он закончил одно из лучших учебных заведений России того времени – Артиллерийский и инженерный шляхетский корпус, где преподавание многих дисциплин велось на немецком и французском языках. О кругозоре и интеллектуальном уровне графа может служить анализ его домашней библиотеки (2).

Один из образованнейших людей своего времени, князь П.А. Вяземский, оставил весьма оригинальное и, на наш взгляд, довольно точное суждение о необходимости непредвзятого взгляда на эту личность: «Это лицо, как и многие другие лица современной истории, ожидает еще верного, строгого, но и беспристрастного суда истории потомственной, которая часто проверяет и очищает приговоры и суждения истории современной: ибо в этой последней нередко имеют слишком большое значение сплетни, предубеждения, личности и страсти текущего дня. Разумеется, из этих слов не должно выводить какого-либо притязания на апологию Аракчеева. Мы говорим только о необходимости скептического воздержания в отношении к резким, исключительным и, по большей части, опрометчивым оценкам так называемого общественного мнения» (3). В раз-

витие данной мысли хотелось бы напомнить, что в круг ближайших друзей Алексея Андреевича входили такие неординарные личности как Н.П. Румянцев и Е.Ф. Канкрин. Последний, кстати, поддерживал с ним дружеские отношения и после отставки графа в 1826 г.

Есть все основания предположить, что способ реализации идеи военных поселений, то есть перевода армии на самообеспечение продовольствием и самокомплектование, зародился в сознании Александра I после первого посещения Грузинского имения А.А. Аракчеева летом 1810 г. и ознакомления с организацией хозяйства и бытом крестьян вотчины. Не случайно уже в июле этого же года начальник 2-й пехотной дивизии генерал-майор Н.И. Лавров получил вышайшее предписание прибыть в Витебскую и Могилевскую губернии для определения мест для поселения ряда пехотных полков. Непосредственная подготовка округа к поселению войск возлагалась на генерал-майора Н.И. Лаврова, общее же руководство вверялось графу Аракчееву. К началу 1812 г. были в основном закончены работы по строительству домов для военных поселен, и в феврале началось поселение запасного батальона (командир – майор Ф.Л. Насекин) Елецкого пехотного полка. Начавшаяся Отечественная война прервала эксперимент.

В 1814 г. генерал-инспектор всей пехоты и артиллерии генерал от артиллерии граф Аракчеев совместно с майором Насекиным разработали «Положение поселяемому батальону Елецкого пехотного полка» (4). Необходимость в таком документе была вызвана тем, что требовалось четко обозначить основные права и обязанности поселен, поскольку некоторые из них начали проявлять недовольство ввиду отсутствия ясности в их социальных и имущественных правах. В феврале 1816 г. Аракчеев получил рапорт майора Насекина, в котором обосновывалась идея, что при создании новых поселений не следует отселять местных жителей, что было проделано с жителями Бобылецкого староства, которые были насильственно переселены в Новороссию, поскольку проще и дешевле включать их в состав поселенных батальонов и тем самым, за счет их имущества, укреплять хозяйственную базу округов. Это, в свою очередь, должно было в значительной степени снизить государственные расходы (5). Следовательно, опыт создания первого поселения регулярной армии в Белоруссии эмпирическим путем предопределил военную и хозяйственную структуру округов военных поселений, которые вскоре стали создаваться в массовом масштабе.

Первые опыты поселения войск, а также причины социально-экономического и политического характера (экономические потери в период Отечественной войны 1812 г., плачевное состояние финансов, необходимость содержать значительную действующую армию после окончания военных действий и т.п.) предопределили переход к массовому созданию военных поселений. Следует напомнить, что в историографии давно утвердилось мнение, что инициатором создания военных поселений выступил Александр I, а Аракчеев был даже поначалу их противником. При этом авторы никогда не ссылались на какие-либо источники. Нам удалось разыскать «Записку» графа Аракчеева Александру I о реформе армии, датированную 1815 г., в которой он прямо высказывается против введения военных поселений (6). Однако после принятия окончательного

решения Александр I поручил именно ему реализацию этой идеи, поскольку ценил его талант в области решения масштабных проектов. Аракчеев не обманул ожиданий императора, вложив в реализацию этой весьма утопической идеи всю свою волю, энергию и опыт и принимая на себя все негодование обществённости. Таким образом, факт авторства идеи военных поселений можно считать окончательно доказанным.

Вопрос о введении военных поселений в массовом масштабе решался в узком кругу, куда кроме императора и А.А. Аракчеева, входили генерал-лейтенант А.П. Ермолов, генерал-майор граф И.О. Витт, чиновники Собственной Его Императорского Величества канцелярии статские советники И.Ф. Самбурский и А.И. Персидский (7). Все, что было связано с планами создания военных поселений, никогда не обсуждалось ни в одном официальном правительственном органе, поэтому в источниках не сохранилось прямых указаний на их аналоги как в российской, так и зарубежной истории. Реализация самой идеи, ее спонтанность свидетельствуют, что какой-то стратегии в этом отношении выработано тогда не было.

Генерал-майор В.Ф. Ратч (собирал сведения о военных поселениях и первым предпринял попытку изложить их историю), со слов А.П. Ермолова, сообщает, что активные совещания у императора по вопросу создания военных поселений в массовом масштабе происходили в конце 1815 – первой половине 1816 гг. Александр I предлагал поселить войска вдоль западной границы, а за основу взять структуру казачьих формирований. Аракчеев активно возражал, мотивируя это тем, что в данный момент отсутствует вероятность «хищнических набегов» со стороны западноевропейских государств, «каким в старину подвергались казаки, поселенные на границе», следовательно, в такого рода поселениях будет преобладать сельский элемент в ущерб военному (8). В итоге многочисленных дискуссий было принято решение поселить пехотные полки в районе Новгорода по направлению к Витебску и Могилеву, а кавалерийские на Украине, осуществив прикрытие западных границ в полосе 1-й (пехота) и 2-й (кавалерия) Армий. Когда встал вопрос о конкретных методах реализации данного плана, А.П. Ермолов предложил (в развитие идеи Павла I) назначить войскам постоянные «квартиры», предоставив им полную свободу «сливаться с населением страны» (9). Под давлением А.А. Аракчеева этот вариант был отвергнут, и принято решение о создании территориальных военных поселений в виде замкнутой единицы – округа поселения отдельного пехотного или кавалерийского полка.

В это же время все полномочия по созданию и руководству военными поселениями были возложены на Аракчеева, который уже имел определенный опыт в этом деле. Ему было поручено подготовить «проект учреждения» поселений, который должен был основываться на следующих принципах: «1. Образовать особое военно-земледельческое сословие, которое могло бы собственными средствами содержать постоянную армию и комплектовать ее без участия и отягощения остального населения и тем удовлетворить виды государственного хозяйства в уменьшении издержек на содержание войск; 2. Дать войскам прочную оседлость и улучшить их быт в то время, когда лета и силы не позволяют

нести службу и 3. Прикрыть Западное пограничное пространство от неприятеля и иметь возможность сосредоточить армию на театре войны» (10).

Несколько слов о стиле руководства, который исповедовал граф А.А. Аракчеев. Будучи человеком пунктуальным, он требовал от своих подчиненных в первую очередь предельной исполнительской дисциплины и постоянного контроля за выполнением собственных распоряжений. Его стиль хорошо иллюстрируется следующими строками приказа: «Многие случаи и даже беспорядки дали мне заметить, что отрядный командир генерал-майор Яфимович (отряд дислоцировался в Могилевской губернии. – К.Я.) все распоряжения свои по отряду, ему вверенному, большей частью ограничивает только объявлением их в приказах или особых своих предписаниях, не заботясь, впрочем, за точным оным исполнением. Вредное сие для службы правило обязывает меня поставить ему на вид, что гораздо полезнее не делать никаких распоряжений, чем предписывать сие и, не наблюдая за приведением их в действие, приучить подчиненных к невыполнению предписаний начальства. Начальник, сделавший предписание, обязан непременно наблюдности за исполнением его и строго взыскать с того подчиненного, который не только заметится в неисполнении, но даже в медлительности по оному» (11).

В своей практической деятельности он придерживался установки, что в правильном государстве для поддержания порядка каждый подданный должен заниматься только возложенным на него делом согласно звания: крестьянин обязан выращивать хлеб, купец – торговать, чиновник – управлять, военный – защищать страну. Поэтому он полагал, что занятие поселян-хозяев торговлей и промыслами только отвлекает их от основных обязанностей и не приносит существенной пользы системе военных поселений. Необходимо отметить, что граф очень ревностно относился к их развитию, рассматривая поселения (и весьма справедливо) как любимое детище императора, отдавая зачастую предпочтение не содержанию, а форме: регулярные ротные поселки, хорошие дороги с твердым покрытием, красивые в архитектурном плане штабные комплексы поселенных полков, регулярное курсирование пассажирских пароходов по Ильменскому озеру и Волхову и т.п. Примечательно, что в его с императором переписке последних семи лет царствования нет, практически, ни одного письма, где бы не упоминались военные поселения (12).

А.А. Аракчеев без устали инспектировал округа поселений, из округов 1-й гренадерской дивизии, расположенных вблизи от его имения Грузино и которые он рассматривал как «образцово-показательные» для всей системы, зачастую не выезжал целыми неделями. Так, например, в октябре 1818 г. он докладывал императору, что в течение месяца объехал «все округи военных поселений 1-й гренадерской дивизии и обозрел лично все 122 деревни, оные составляющие, на протяжении более пятидесяти верст» (13). Сам Александр I, бывая с 1812 г. ежегодно в Грузино, неоднократно посещал округи этой дивизии, особенно округ гренадерского графа Аракчеева полка, который, в свою очередь, считался «образцово-показательным» в округах пехоты.

В руководящие органы Отдельного корпуса военных поселений Аракчеев старался привлекать как можно больше талантливых людей: архитекторов, ху-

дожников, скульпторов, механиков и др. В разные годы в них входили М.М. Сперанский, Г.С. Батеньков, В.П. Стасов, М.Е. Кларк, Л.Л. Карбоньер, Л. Руско и другие. Будучи честным человеком и никогда не путая личный карман с государственным, он очень жестко относился ко всяким злоупотреблениям по службе и настаивал на суровом наказании виновных. Так, например, рассматривая дело о всевозможных злоупотреблениях в округах Полоцкого и Елецкого пехотных полков в 1822 г., он приказал снять с занимаемой должности своего любимца бригадного командира полковника Ф.Л. Насекина, который стоял у истоков поселенной системы войск. Подобные случаи его борьбы с коррупцией в армии и госаппарате неоднократно отмечались в историографии (14).

Являясь неоспоримым лидером в деле создания и развития военных поселений, он, тем не менее, никогда не приписывал себе чужих заслуг. Докладывая, например, императору в 1824 г., что из 168 эскадронов поселенной кавалерии 153 перешли на самообеспечение продовольствием, подчеркивал при этом, что «переход сей основан на собственных предположениях начальников военных поселений кавалерии: в Херсонской и Екатеринославской губерниях генерал-лейтенанта графа Витта и в Слободско-Украинской – генерал-майора Ешина. Их звание должно служить ручательством за точность соображений, делающих сей переход прочным, и что военные поселяне, продовольствуя своих постояльцев, не чувствуют от того никакой тягости» (15).

Последнее из замечаний цитируемого документа было направлено против практики снабжения действующих подразделений из запасных хлебных магазинов, чем нередко злоупотребляли в округах. Аракчеев твердо настаивал на том, чтобы переход на самообеспечение продовольствием должен осуществляться только «на избыточном» состоянии поселян-хозяев, которое определялось тем только, «когда они из ежегодных урожаев земли, ими обрабатываемой, получают больше хлеба и других произведений, что за взносом определенной пропорции на составление запасного магазина... и за пропитанием себя и семейств своих, могут без всякого затруднения продовольствоваться от одного до другого урожая своих постояльцев хлебом, а в кавалерии сверх того и строевых лошадей сеном и соломою... Запасные магазины ни в коем случае не должны быть способом к переходу войск на собственное продовольствие» (16).

И еще одна весьма немаловажная деталь, которая характеризует стиль руководства Аракчеева. Речь идет о его весьма непростых служебных отношениях с генерал-лейтенантом графом И.О. Виттом, проистекавших из разности их подходов к идее военных поселений и модели их функционирования. Это стало очевидным уже во время совещаний у императора в 1815–1816 гг. по поводу массового поселения войск. Следует сразу же оговориться, что И.О. Витт в этой полемике пользовался поддержкой императора, который позволил ему, вопреки позиции Аракчеева, реализовать на практике свою модель военных поселений.

Идеалом поселений для Аракчеева служила такая их структура, где гармонично сочетались строевая служба поселян-хозяев с занятиями сельским хозяйством. Солдаты-постояльцы несли службу и должны были им помогать лишь в период интенсивных сельскохозяйственных работ. В отличие от устоявшихся в

историографии мнений, мы полагаем, что экономического сектора поселений в его схеме вовсе не приносился в жертву военному. Анализ его приказов и распоряжений по Отдельному корпусу военных поселений свидетельствует о том, что он неоднократно подчеркивал: нельзя пускать на самотек процесс создания поселянского хозяйства. Так, например, в приказе по поселенным батальонам 1-й гренадерской дивизии от 14 апреля 1820 г. он писал: «Усматривая из месячных рапортов... что батальоны сии комплектуются хозяевами весьма медленно, батальонные командиры не заботятся об оном, а бригадные и вовсе не обращают на сей предмет должного внимания и, ограничиваясь только предназначением людей в хозяева, не помышляют о водворении их, тогда как сие есть единственная цель военного поселения, а потому и непрямая обязанность бригадных и батальонных командиров с полковыми комитетами... Главный над военными поселениями начальник (А.А. Аракчеев. – К.Я.) не имеет возможности и времени рассматривать в особенности способы и удобство каждого округа; бригадные же и батальонные их командиры, находясь в местах самого расположения, не удалены от сего, а потому со всюю удобностию могут все оное учредить по местному положению и способам каждого округа, если только займутся изысканием оных не на бумаге, а в существенном образе...» (17).

Для И.О. Витта главным фактором в вопросе функционирования военных поселений был быстрый переход на самообеспечение продовольствием, даже в ущерб военной стороне дела. Именно это и сказалось на складывании разных моделей поселянского хозяйства в округах пехоты и кавалерии, что и повлекло, в свою очередь, разные степени экономической свободы поселян-хозяев. В некоторых публикациях 1870–1880-х гг. А.А. Аракчеев преподносится как первый в России сановный коммунист. Подобные «обвинения» не имеют под собой никакой реальной почвы, поскольку он постоянно подчеркивал, что одной из важнейших целей военных поселений является создание таких условий, чтобы «поселенный солдат был уверен в своей собственности, и значит, те выгоды, которые он приобретает своими трудами, принадлежали одному ему. Уверенность сия утверждает его хозяйство и рождает в нем желание улучшить и обогатить его» (18).

В округах кавалерии по инициативе Витта была введена так называемая «общественная запашка»; Аракчеев, напротив, был ее яростным противником. Мотивируя свою позицию по данному вопросу, он во всеподданнейшем докладе от 9 апреля 1826 г. писал: «Граф Витт считает возможным продовольствовать действующие эскадроны от земли не только провиантом, сеном, соломою, но даже и овсом. Граф Витт, предполагая сию выгодную версию, считает однако же возможным достигнуть оной не иначе как посредством общественных посевов, допущенных им для составления первоначальных запасов в округах 3-ей кирасирской дивизии (Херсонская губ. – К.Я.). Запасы сии, по проекту учреждения о военном поселении регулярной кавалерии, должны вообще составляться уравнительным сбором хлеба с военных поселян-хозяев, обрабатывающих каждый свой участок земли. Изменить сие правило коренное, и легко и удобно исполнимое во всех прочих округах военного поселения, невозможно, не дав места большому опасению тех беспорядков и самых злоупотреблений,

кои при всей бдительности надзора, вкрадываются при поголовных нарядах, особливо для такого рода работ, каковы суть общественные посевы, в которых трудно отвратить, чтобы военные поселяне под сим предлогом не были обременены излишними нарядами для обработки излишней земли по видам корыстолюбия. На предупреждение сего зла основано вышеприведенное правило проекта учреждения; и я, руководствуясь оным, решительно запретил общественные посевы» (19).

Самое тяжкое обвинение в отношении Аракчеева в историографии связано с упоминаниями о его чрезмерной жестокости по отношению к солдатам и офицерам военных поселений. Анализ подтвержденных им военно-судебных дел свидетельствует, что он, как правило, снижал степень наказания для солдат, а для офицеров увеличивал. Хотя он и не относился к воспитанникам суворовской школы, но постоянно подчеркивал, что основой армии является солдат, и постоянно побуждал командный состав заботиться о нуждах и здоровье подчиненных. Он категорически запретил высылать солдат на работы в сильные морозы, а заметив однажды во время смотра, что «караулы на постах не имели на себе шуб», приказал немедленно их выдать (20).

Сложно судить, что заставляло его заботиться о здоровье солдат: соображения подлинной гуманности или сохранение своего рода «казенного имущества». На наш взгляд, здесь присутствует и то и другое: он прекрасно понимал, что здоровый и сытый солдат – это сильная армия, а значит и сильное государство. Излишне, по-видимому, напоминать, что А.А. Аракчеев был истинным государственным человеком. Следующие слова из его приказа по Отдельному корпусу военных поселений от 20 мая 1820 г. красноречиво свидетельствуют в пользу этого: «Дошло до моего сведения, что были случаи, в которые больные нижние чины, при отправлении из батальонов и артиллерийских рот в госпитали, посылались без особой о них заботливости их начальников, а некоторые укладывались в повозки без всякой подстилки, а другие приходили несмотря на болезнь пешком, тогда как имеются подъемные лошади и лазаретные повозки. Известностию о сем обращаю внимание батальонных командиров и командиров артиллерийских рот и объявляю, что ежели за сим таковые нарушения ими своих обязанностей не прекратятся, чего я никак не ожидаю, то взыщу уже с них арестом» (21).

После воцарения Николая I Аракчеев, в силу ряда обстоятельств, весьма недолго пробыл на посту Главного над военными поселениями начальника и в конце апреля 1826 г. подал рапорт о предоставлении ему отпуска для лечения за границей. Фактически это была просьба об отставке, поскольку срок отпуска в рапорте не оговаривался (22).

Создание системы военных поселений и руководство ею стало в некотором роде апогеем государственной деятельности А.А. Аракчеева. И именно это вызвало негативную реакцию общественного мнения, направленную, в первую очередь, против их руководителя (а некоторые полагали, и инициатора), что в значительной степени способствовало (прежде всего, через мемуарную литературу) формированию историографического мифа о его крайней реакционности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Граф Аракчеев и военные поселения 1809–1831. СПб., 1871; Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев // Исторические очерки. М., 1912; Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 18–62.
2. Ячменихин К. Библиотека «фрунтового солдата» // Библиофил. М., 1999. № 1. С. 105–112.
3. Исторический вестник. 1868. № 2. С. 283.
4. РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 2. Л. 130–135.
5. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1536. Л. 2–5 об.
6. Ячменихин К.М. «Во внимании к пользам государственным...» (Записка графа Аракчеева Александру I о реформе армии 1815 г.) // Исторический архив. 2000. № 6. С. 4–20.
7. РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 150. Л. 41, 160 об.
8. ОР РНБ. Ф. 859. Карт. 31. № 17. Л. 53.
9. Там же. Л. 54.
10. Там же. Л. 54 об. 55.
11. ЦГИАК. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
12. Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев // Его же. Исторические очерки. М., 1912. С. 25.
13. РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.
14. Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997. С. 95.
15. РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 226. Л. 409 об. 410.
16. Там же. Л. 412–412 об.
17. ЦГИАК. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 5. Л. 112–113.
18. РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 88. Л. 186.
19. Там же. Д. 382. Л. 217–218.
20. ЦГИАК. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 1. Л. 87.
21. Там же. Д. 5. Л. 203.
22. Ячменихин К.М. Граф А.А. Аракчеев и Николай I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2003. № 1. С. 28.

А.Н. ДОЛГИХ

ПРОЕКТЫ РЕШЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА I: ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

Эпоха наполеоновских войн в России была связана с постепенным развитием идеи эмансипации крестьянства. При этом стремления передового дворянства до определенной степени совпадали в этом отношении с позицией самодержавия, в политике которого намечается тенденция к смягчению крепостного права, которая при Александре I дополняется и выдвиганием задачи освобождения владельческого крестьянства. Следствием этого является обилие разного рода проектов решения данной проблемы, авторами которых по преимуществу были в ту эпоху помещики. Их можно подразделить на собственно проекты, часть из которых была инспирирована монархами, а также мнения, высказанные в высших государственных учреждениях, публикации в печати, ответы и мнения, по